

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ: ОТ КОНТИНУАЛЬНОГО ЗНАКА К ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИМ КОНФИГУРАЦИЯМ

В. А. Сулимов

Коми государственный педагогический институт, Сыктывкар

Modelling of Literary Texts: From Continuous Mark Towards Lingvo Semiotic Configurations

V. A. Sulimov

Komy State pedagogical institute, Syktyvkar

В статье рассматривается проблема моделирования литературного текста. Автор делает попытку объединить лингвокогнитивные, культурологические и культурно-антропологические аспекты анализа текста, предлагая в качестве альтернативы структурно-ориентированных моделей текста его смыслоориентированную модель. Эта модель выполняется на основании предлагаемого автором нового направления гуманитарного знания — культурологической лингвосемиотики текста, последовательно реализующей принцип «от смысла — к тексту». В статье предлагается общая классификация континуальных знаков литературного текста, продолжающая и обобщающая предыдущие публикации автора.

The problem of literary text modelling is considered in the article. The author tries to combine lingvo cognitive, culturological, and cultural and anthropological aspects of the text analysis. He suggests meaning-oriented models as an alternative of structure-oriented models of a text, as well as gives grounds for their use. These models can be made on the basis of the new direction of humanitarian research suggested by the author, namely culturological lingvo semiotics of the texts, which successively fulfils the principle «from the meaning towards the text». The author of the article gives the general classification of the continuous marks of literary texts, which in its turn follows and summarizes his previous publications in our magazine.

В современном обществе все более значительную роль стали играть культурно-антропологические факторы индивидуального и социального развития. Это объясняется переходом от экстенсивного способа построения культуры (ориентированной на традиции, сложившиеся социальные связи, системы ценностей, логические конструкции и креативные «вещи», т. е. тексты культуры) к интенсивному способу построения культуры, принимающей в силу этого все более интеллектуальный и «целевой» — идеальный, модельный вид. В центре этого способа обоснования культуры оказывается «новый» интеллектуально и информационно ориентированный человек (*Homo culturalis* — человек культуры или, точнее, человек-в-культуре), требования к которому существенно изменяются. Это прежде всего (а) требование информационной включенности, определяющее место человека в структуре информационного сообщества, в т.ч. — в системе текстов культуры, определяющих черты современности, (б) требование кодовой восприимчивости, показывающее место человека в системе кодов культуры и (в) требование высокой интеллектуальной сенсорности, т. е. способности легко воспринимать и организовывать новые ощущения (создавать новые ассоциации) и через них — получать новую информацию,

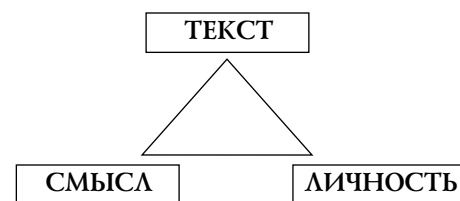
что определяет, в конечном итоге, способность человека жить в быстро меняющемся мире.

Другими словами, этот человек обладает неким талантом играть в интеллектуальную игру, правила которой (а также участники, команды, место и способ игры — индивидуальный, коллективный, стадион, бассейн, площадка перед домом) меняются в ходе игры, а окончание матча (свисток судьбы) раздается для каждого участника в различное время. Причем участие в такой игре оказывается для индивидуума единственным способом интеллектуального существования, а выпадение из нее — аналогом интеллектуальной (а иногда сегодня и почти всегда в будущем — социальной) смерти. Существенное изменение культурно-антропологического статуса человека объясняется феноменом «массового воспроизводства» структур языковой (интеллектуальной) личности в результате образовательной революции конца XX века, когда высшее гуманитарное образование стало массовым не только в странах Европы, но и Азии и Латинской Америки. Существенно увеличилась культурологическая составляющая высшего образования за счет изменения общей парадигмы гуманитарного (философского и лингвистического) знания, его общего «культурологического поворота», когда ос-

новой точкой приложения интеллектуальных усилий становится процесс развития культуры и/или образа человека в культуре. Этот образ человека в культуре, включающий в себя образ *Иного*, *Другого* в качестве основания культурного (и=языкового) сознания, стал одним из образов повседневности, а понятие культурного кода (единичного явления) как системы знаков, обосновывающих человеческую коммуникацию трансформировалось в понятие культурных кодов (множественного и вариативного явления). Западная (модульная) система высшего образования (как и — в какой-то степени — общий процесс гуманитаризации высшего образования в России 90-х годов) позволила учащемуся избирать гуманитарные курсы, обучаясь на естественных специальностях вузов. Сочетания вроде «квантовая механика и культура Японии» стали нормальным явлением при выборе специальных курсов в вузах Европы и Америки. Все это привело к распространению подвижных динамичных форм культурного сознания (в отличие от статичных традиционных его форм). Стало наблюдаться явление «множества горизонтов» культуры в сознании одного человека, осознающего (идентифицирующего) себя в контексте мирового (глобального, наднационального) культурного процесса: «Современное образование, универсальное образование, без которого ни одно общество не может подготовиться к жизни в современном экономическом мире, освобождает людей от приверженности традиции и авторитету. Люди начинают осознавать, что их горизонт — всего лишь один из горизонтов, не твердая земля, а мираж, который исчезает, если подойти ближе, открывая за собой очередной горизонт. Вот почему современный человек есть последний человек: он изнурен историческим опытом и лишен иллюзии возможности прямого испытания ценностей» [1]. Последний человек — есть человек, реализовавший природную культурную лабильность и потому — свободный (от предрассудков, груза часто уже не семантизируемых обычаев и традиций, «охранительного» способа поведения и т. п.). Вместе с тем, этот «последний человек» оказывается еще и «незавершенным человеком», так как не успевает в течение сознательной жизни узнать и интериоризировать все имеющиеся тексты культуры (социальный корпус текстов культуры) и выстроить сколько-нибудь завершенную собственную историко-нарративную парадигму (картину мира). Возникает психо-социальное ощущение незавершенности, осложняющее комплекс Танатаса (страха культурной смерти индивидуума, как, одновременно, и страха смерти данной — традиционной и/или ощущаемой таковой — культуры).

Новое интеллектуальное ощущение основной культурно-антропологической антиномии Эрос-Танатас как вхождения/не вхождения в информационное пространство культуры создает предпосылки для семиотических изменений, суть которых — в углублении смысловой основы знаковых систем, в трансформации дискретных (отдельных, выделяемых) знаков — в кон-

тинуальные (не дискретные, контекстнозависимые, дискурсивные, соотносительные, профессионально ориентированные), в множественности и параллельности возможных интерпретаций текстов культуры, в гиперболлизации роли коммуникативной позиции наблюдателя и целом ряде параллельных явлений. Речь может идти о возникновении «новой семиотики», которую можно представлять себе как семиотику текста [2], семиотику смысла (как экзистенциального осмысления бытия) [3], семиотику континуального знака [4] или «глубинную семиотику» [5]. В любом случае основными понятиями, фундаментально обосновывающими не статичное понимание семиотики и не дискретное понимание единицы семиотики — знака, становятся диадически связанные между собой понятия СМЫСЛ — ТЕКСТ, или триадически связанные через процесс порождения/восприятия текстов культуры СМЫСЛ — ТЕКСТ — ЛИЧНОСТЬ. При этом для реализации лингвистического аспекта проблемы основным является ракурс СМЫСЛ — ТЕКСТ, проекция которого на языковую действительность дает расширенное представление о языковом знаке за счет добавления (перехода) трансцендентного в логическое, что означает преобразование текста в интертекст, а для реализации культурологического аспекта проблемы необходим ракурс СМЫСЛ — ТЕКСТ — ЛИЧНОСТЬ, преобразующий знаковые системы (коды) текстов культуры в личностно ориентированные способы выражения смыслов. Такая онтологически и гносеологически тесная связь СМЫСЛА, ТЕКСТА и порождающей/воспринимающей ЛИЧНОСТИ позволяет говорить о мегазнаковом характере семиотики современного текста, в основе которой лежит преобразенный семиотический треугольник, заменивший (в силу развития логико-когнитивных и коммуникативных свойств языка/речи как естественного культурного кода) известный треугольник Готлоба Фреге (ЗНАК — ЗНАЧЕНИЕ — СМЫСЛ):

При этом узлы этого семиотического треугольника (как и треугольника Г. Фреге) означают не некоторое абсолютное выражение (как в математическом треугольнике), а — отношение, зависимость, обусловленность. Это хорошо прослеживается в определениях «угловых значений» (узловых понятий) исследователями, изучавшими этот комплекс отношений с различных сторон. Так, например, Ж.-П. Сартр отмечал экзистенциальную противоречивость (относительность) человека как личности: «Человек находится постоянно вне самого себя. Именно проектируя себя и теряя себя вовне, он существует как человек. С другой стороны, он может существовать, только преследуя трансцендент-

ные цели. Будучи этим выходом за пределы, улавливая объекты лишь в связи с этим преодолением самого себя, он находится в сердцевине, в центре этого выхода за собственные пределы» [3]. Глубокую соотнесенность текста с личностью ориентированным смыслом продемонстрировал в одной из своих последних работ патриарх Тартуско — Московской семиотической школы Ю. М. Лотман: «...текст предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [2]. О понимании смысла как глубоко личностной попытки реализации трансцендентности универсума (мира, континуума) пишет Г. А. Тульчинский: «Смысл вообще есть проявление конечной системы, ограниченной в пространстве и времени, пытающейся постичь бесконечный в своих возможностях универсум. Именно такой системой и является человек» [5]. Трансцендентный универсум, ограниченный в пространстве и времени, «незавершенный человек», не находящий возможности овладеть кодами культуры в полном объеме из-за их постоянной изменчивости, порождающий тексты информационный генератор, который не может быть в полной мере использован в силу указанной выше временной и пространственной ограниченности — таков противоречивый субъект текстов культуры — интеллектуальный человек или личность. Особая феноменология личности в неотделимости ее от языка — универсальной системы знаков, опосредующей и предваряющей процесс порождения/восприятия текста (текстовую деятельность). В этом смысле семиотика есть основной вариант лингвистического описания реальности бытия или (что, на наш взгляд, есть то же самое) главное следствие приписывания реальных черт виртуальности. Язык (как нечто воспринимаемое интеллектуальным сознанием более дискретно и системно, как, впрочем, и математика) представляется материальной «оболочкой мысли», способной «передавать смыслы», «отражать действительность» (в т. ч. — социальную), «воплощать замыслы» и, наконец, «хранить информацию о...». Однако все более очевидно, что язык как естественная знаковая система подчиняется логическому закону, который мы назовем закон противоречия в основании: логические основания любого истинного утверждения всегда содержат противоречие. Этот закон влияет на язык в виде квантовых поправок к непрерывности, способствуя соединению дискретности и континуальности в каждый момент семиозиса или процедуры означивания. Это внутреннее противоречие языка как семиотической системы, «увиденное» еще Н. Крушевским в А. И. Потебней в 60—70 годы XIX века, достаточно точно описал для языка и литературного текста современности Б. Гаспаров: «Главная трудность, но и главная позитивная задача при анализе языкового смысла состоит в том, чтобы не упустить из виду две

противоположные силы, на пересечении которых он возникает и развивается: с одной стороны, открытость смысла, неограниченную его способность к ассоциативным растеканиям и скачкам, с другой — его воплощенность в языковом материале, в силу которого смысл оказывается заключенным в герметическую «упаковку», очертания которой определяются конфигурациями именно этого материала; с одной стороны, летучую подвижность смысла, делающую невозможным достижение им устойчивого и конечного состояния, с другой — его привязанность к объективированному языковому высказыванию, форма которого обладает эмпирической самоочевидностью и непреложностью наличного артефакта» [6].

Восприятие языка не просто в виде системы лингвистических знаков, а как одного из возможных ракурсов видения (и оснований для описания) семиотики современного литературного текста объясняет необходимость соединения культурологического и лингвокультурологического подходов в едином аналитическом пространстве, обладающем своим исследовательским инструментарием, в состав которого входят:

1. Интертекстуальный анализ литературного текста (фрагмента текста), помогающий определить границы смыслообразования для данного артефакта (группы артефактов), встраивать текст в границы историко-культурной парадигмы.

2. Лингвокультурологический анализ литературного текста, определяющий набор континуальных лингвистических единиц, участвующих в формировании смыслового пространства текста.

3. Аксеологический анализ текста, позволяющий вскрывать и оценивать с культурологической и/или культурно-антропологической позиции.

4. Системный анализ смыслового пространства текста, направленный на конструирование моделей организации смысла, включающих смыслопорождающие факторы трансцендентности, аксеологичности и персональности, определяющие социальные и индивидуальные особенности смыслопорождения.

Указанный аналитический инструментарий является культурологическим по задачам и результатам исследования, семиотическим по основному подходу к отбору и классификации единиц и лингвистическим по применяемым приемам исследования текстов. Это соединение исследовательских подходов вполне соответствует тому междисциплинарному подходу к анализу литературных текстов, который сегодня вычленяется рядом исследователей на стыке культурологии и лингвистики с учетом культурологического ракурса рассмотрения исследуемых артефактов: «...не только языкознание дает нам ключ для понимания культуры, но и культурология может и должна внести свой вклад в понимание проблемы языкознания, ибо обращение к истории культуры позволяет обнаружить, что связь фундаментальных идей языкознания с соответствующим культурными парадигмами имеет гораздо более глубокий и существен-

ный характер, чем обычно об этом говорится» [7]. Предлагаются также и направления культурологического изучения языка: «культуроязыкознание, культуросемиотика, культуролингвистика». На наш взгляд, в рамках задачи культурологического и, одновременно, лингвистического описания важно выбрать не абстрактное направление междисциплинарных исследований, а, скорее, вектор сосредоточения основных интеллектуальных усилий, который принято называть методом. Не менее важным является определение области, в которой будут локализованы научные данные.

Такой — комплексный, междисциплинарный — метод анализа (и=аспект исследования литературного текста) можно назвать (по основным применяемым приемам анализа текста) культуролингвистическим, а область научных данных, получаемых в результате применения такого метода — культурологической лингвосемиотикой текста, отграничивая это направление от классической семиотики — с одной стороны, и от достаточно сложившейся, но недостаточно «культурологической» лингвокультурологии — с другой. Культурологическая лингвосемиотика текста с необходимостью использует базовые понятия семиотики текста (семиозис, интертекст, инфосфера, континуальный знак), лингвистики текста (текст и его фрагмент, структура текста, когнитивные механизмы текстопорождения, позиции адресанта, адресата, наблюдателя, концепт, метафора, предложение/высказывание), нарратологии (наррация, тема, мотив, образ, герой). При этом исследование остается в рамках культурологии, так как оперирует персонологическими и аксиологическими понятиями в качестве как базовых и смыслопорождающих (культурно — исторический стиль эпохи, ценности, индивидуальное и массовое сознание, структура сознания, личность и ее структура, экзистенциальные и социальные смыслы, культурно-антропологические антиномии и т. п.).

Это позволяет нам поместить данную работу в рамки культурологии, расширяемые сегодня исследователями в той степени, в которой это необходимо для выяснения вопроса об особенностях, роли и месте современных литературных текстов как текстов культуры.

Современная русский литературный текст (хотя это, конечно, свойство не только русского, но и европейского текста), обладая всеми свойствами текстов культуры, может быть рассмотрен (если придать этому рассмотрению очевидный культурно-антропологический акцент) как интеллектуальная система моделирования субъекта человеческой формы бытия. Эта особая моделирующая система, которая может быть отнесена к первичным (в отличие от языка — вторичной моделирующей системы), является креативной виртуальной системой (или системой, порождающей новое знание), определяемой Мерабом Мамардашвили как второе «К» — постканттианское (или, скорее, памятью о классическом неоканттианстве — пост-постканттианское) начало современного мира, сущностью которого является творче-

ское проектирование реальности, построение эвристических моделей, уходящих своими корнями в прошлое, но «произрастающих» из будущего, метафорическим ростком которого являются не только «рваные» и логически противоречивые нарративы текстов культуры, но и «раздерганный», квантированный и разнонаправленный нарратив повседневности. Речь может фактически идти о самостоятельном бытии виртуальных объектов, однажды подвергшихся процедуре моделирования под воздействием элементов неопределенного пока будущего и обретших самостоятельное бытие в виде текстов современной культуры, в т.ч. — литературных текстов. Эта феноменология моделирования реальности «из будущего» была последовательно описана М. Мамардашвили: «В устройстве мира, включающего в себя и жизнь человека, необходимо постулированы и действуют особые гипотетические, «интелигибельные» (умопостигаемые) объекты (измерения), являющиеся в то же время непосредственно, опытно констатируемыми, хотя и далее неразложимыми образами целостностей, как бы замыслами и проектами развития. Они несут в себе некоторый первично свершившийся синтетический факт и служат «вещными метафорами» обозримости всего целого, его стиля, тона существования, являются как бы особой устойчивой материей внутренней формы сознания («внутреннего знания») и ориентированности живых существ в системе» [8].

Ментальные образования, выявляющиеся на пересечении прошлого и будущего времен, литературного текста и виртуальной реальности его существования, внутренней противоречивости и трансцендентной соотношенности «незавершенного» человека, по сути — смысловые образования в их языковой репрезентации мы назовем лингвосемиотическими конфигурациями. Лингвосемиотические конфигурации, относящиеся исследователями то к лингвистическим, то к философским, то к собственно культурологическим объектам, представляют собой когнитивную основу моделирования литературного текста как единственного известного способа интеллектуального бытия человека. В текстах современной литературной прозы (неважно: научной или художественной) лингвосемиотические конфигурации проявляют себя в виде особых континуальных знаков (не-дискретных или продолжающихся за пределами текста — в других родственных текстах), являющиеся единицами и (одновременно) когнитивными маркерами и языкового/культурного кода и литературного текста — результата соединения индивидуального смысла и социального кода культуры.

Видимо можно утверждать, что культурологическая лингвосемиотика текста есть наука о быстро изменяющемся мире интерпретаций текстов культуры и, одновременно, раздел в структуре гуманитарного знания, изучающий результаты этих интерпретаций. Соединение понятий «интерпретация» и «структура» в одном определении является для культурологической лингвосемиотики текста показательным: здесь делается

попытка «продавить» барьер, разъединяющий философское и позитивное знание, не впадая при этом ни в беспредметное дискутирование, ни в инструментальный позитивизм, свойственный прямолинейно понятому естественному знанию. Становится понятным, что поиск «объективных критериев», когда речь идет о языковом сознании индивидуума, как и поиск путей «обеспредмечивания» дискурса равно ложны. Анализ текста в культуре, или =текста культуры действительно требует особого метода, который мы назвали культуролингвистическим (в отличие — от лингвокультурологического) и который сочетает, как показано нами выше, черты лингвистического, культурно-антропологического и собственно когнитивного анализа или — точнее — экспертного прочтения текстов с точки зрения моделируемого наблюдателя (наблюдателя с заранее заданными свойствами). Такой анализ в каждом отрезке своего применения (и =точке «отражения» сознанием) оказывается субъективным, однако в результате исследования, благодаря привлечению разнородных точек наблюдения (т. е. увеличению точек наблюдения для моделируемого наблюдателя) — культурологической, лингвистической, исторической, философской, повседневной и т. д. — суммарный или интегрированный результат исследований существенно объективируется. Полученная относительная объективность результатов исследования представляется нам достаточной в виду открытости исследовательской системы — возможности привлечения любой дополнительной точки наблюдения. Такой прием в художественной форме хорошо использован культурологами — авторами литературных текстов — У. Эко и М. Павичем, создавшими эффект изменяющегося призматического видения.¹

Указанный метод исследования можно локализовать только в пределах когнитивистики — интегрированной системы исследований, обращенной на раскрытие механизмов и пределов существования человеческого типа сознания. В изменяющемся мире, описываемом с позиции когнитивистики, любой текст культуры (в том числе — литературный) представляет собой уже не легко обнаруживаемую сознанием первичную когнитивную модель — систему «репрезентаций действительности» (как, например, в «классическом» литературоведении) или обоснованный знанием выбор возможной интерпретации текста-как-мира и мира-как-текста (как в работах по семиотике текста Ю. М. Лотмана) [9]. Познавательная активность адресата любого литературного текста выражает себя прежде всего в сличении/сопоставлении текста с языковым пространством — континуумом, включающим в себя набор сложных когнитивных элементов: стратегий, трансформаций, континуальных текстообразующих единиц, существ-

вующих одновременно в сознании и языке, в структуре знания и структуре текста. Такое совмещение в исследовательском поле традиционно разомкнутых, или, иногда, — противопоставленных, областей знания позволяет выявить существенные черты изменяющегося мира смыслов, определить соотношение смыслов и семиотической основы литературного текста. Подвижное и неустойчивое единство СОЗНАНИЯ, ЯЗЫКА (КОДА) и ТЕКСТА оказывается еще одним вероятностным вариантом интерпретации семиотического треугольника, которое демонстрирует онтологические факторы образования знаковых систем (в т. ч. — языка) в пределах интеллектуальной истории человечества.

В этом треугольнике зависимостей «все обусловлено всем»: сознание — наличие кода и текста, текст — наличием сознания и кода, а код — существованием сознания и наличием текста. Представление о семиотическом единстве сознания и текста через посредство языка нашло свое отражение в лингвистическом понятии «целостность текста», под которым понимается система движения мысли по выражению смыслов или выявлению смыслов: «Вне зависимости от направления движения мысли когнитивного субъекта — от смысла (замысла) к форме или от формы к смыслу как проинтерпретированному замыслу — целостность текста неизменно определяется целостностью стоящего за текстом сознания. Опирируя единицами поверхностной структуры, интерпретатор толкует их, исходя из целостности текстового смысла» [10].

Когнитивно определяемая целостность, вместе с тем, не является пустой бесконечностью или не структурируемым полем перетекания смыслов из сознания в текст и из текста в сознание. Смысловое поле (семиотическое пространство) литературных текстов как текстов культуры особым образом структурировано из вероятностного списка ментально существующих лингвосемиотических конфигураций с неясно очерченными границами. К ним относятся лингвосемиотические конфигурации высшего порядка (сверхзнаковые): когнитивные стратегии и когнитивные трансформации, а также лингвосемиотические конфигурации континуально-знаковые, к которым относятся концепты, логоэпистемы, мотивы и образы, различающиеся между собой уровнем дискретности и способом передачи смыслов.² Особое место в семиотическом пространстве литературных текстов занимает интеллектуальная со-

¹ Эффект призматического, а может быть даже — фасеточного видения предмета исследования создает сюжет романов У. Эко «Имя розы» и М. Павича «Хазарский словарь». Этот же эффект может применяться для создания своего рода «интеллектуальной западни».

² Проблема когнитивных стратегий и когнитивных трансформаций была рассмотрена автором в статьях в настоящем «Вестнике» (№№ 2 за 2007 и 2008 годы).

ставляющая — система личностных смыслов, имеющих собственно когнитивную и социокультурную природу. Именно личностные смыслы являются квинтэссенцией процедуры означивания — главной задачи человеческого способа бытия. Они создают тот индивидуальный ментальный мир, который при взаимодействии с текстами культуры и инициирует возможность бытия мира в знаках или семиозиса. Для осуществления семиозиса наибольшее значение имеет образование или, по-другому, порождение вербализованных смыслов: «квант содержания сознания превращается в мысль по мере того, как отдельные концепты этого содержания — личностные смыслы — упорядочиваются и вербализуются соответственно закономерностям используемой в акте речи языковой системы» [11]. Совершенно ясно, что личностные смыслы как основа текстопорождения/текстовосприятия существуют не просто в виде суммы интерио-

ризованных (или усвоенных, приобретенных) знаний, но в системе индивидуально ощущаемой, переживаемой культуры, вне которой личностное существование вообще представляется проблематичным.

Я думаю, что в дальнейшем, возможно попытаться осмыслить сказанное в пределах некоторого общего утверждения, объединяющего идею смысла (процесса) и функции (оболочки). Необходимо также попытаться схематизировать процессы смысло- и текстообразования — некоторой последовательности ментальных действий. Необходимо, наконец, задать список лингвосемиотических конфигураций, разнородные комбинации которых создают семиотическое и когнитивное богатство текстов. Однако и тогда, по-видимому, вряд ли удастся исчерпывающе описать феноменологию такого сложного семиотического явления как литературный текст.

Литература

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 459.
2. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. 131.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / Сост и общ. ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. 343.
4. Сулимов В. А. Философия и логика русского языкового континуума. Сыктывкар, 2006.
5. Тульчинский Г. А. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы // Homo philosophans. Сборник к 60-летию профессора К. А. Сергеева. Серия «Мыслители», выпуск 12. СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. 427—428.
6. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М: «Новое литературное обозрение», 1996. 292.
7. Гриценко Г. В. Культурология и языкознание // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество / Рос. Ин-т культурологии; Редакол. О. Д. Румянцев (отв. ред.) и др. М.: Академический Проект; РИК, 2005. 437—442.
8. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация // Человек в системе наук / Отв. ред. Фролов И. Т. М.: Наука, 1989. 321.
9. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб: Академия, 2000.
10. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 62.
11. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Отв. Ред. Б. А. Серебренников. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 140.